

Уважаемый господин, ваш сын ранее подписал согласие на посмертное донорство органов. Как раз сейчас у нас есть пациент с проблемным сердцем, и мы готовы пересадить сердце вашего сына этому человеку, — объяснил медицинский работник.

В смысле нет! Мой сын мёртв, вы не смеее к нему прикасаться, я этого так не оставлю.

Отец Линь никак не желал разжимать руки. Линь Мао погиб, неужели ему теперь смотреть, как от тела сына не останется и следа? Разве такое возможно?

Однако мысли Матери Линь были диаметрально противоположны мнению отца. Раз уж Линь Мао всё равно умер, то пересадка его органов другому человеку означала, что этот незнакомец будет жить, словно заменяя её сына. Поэтому Мать Линь поддержала решение Линь Мао.

Я разрешаю вам забрать тело моего сына, но только при условии, что мы узнаем имя реципиента.

Разумеется, вы имеете на это право, — кивнул врач.

Да ты сошла с ума, женщина! Это же твой родной сын! — вскипел отец Линь и заорал на жену.

Конечно, я знаю! При жизни сына ты о нём не заботился, и что же теперь, когда он умер, ты соорудил такую скорбную отцовскую физиономию для кого? Если его сердце продолжит биться в груди другого человека, разве это не значит, что сын всё ещё жив?

Да хоть трижды сердце, это же мой сын!

Не собираюсь спорить с упрямым ослом. Увезите его, увезите!

Мать Линь, придерживая изящную брендовую сумочку из фиолетовой кожи, подошла к кровати и стала по одному разгибать пальцы отца Линя, вцепившиеся в тело Линь Мао, позволяя врачам забрать покойного.

Отец Линь яростно забился.

Хватит! Это было последней волей сына при жизни, неужели ты и её хочешь нарушить? Ты вообще любил его по-настоящему хоть раз в жизни? Неужели трудно удовлетворить даже такую его малую просьбу? Ты ублюдок... — закричала сквозь слёзы Мать Линь, понимая, что больше не удержит мужа. Крупные слезы градом катились из её глаз, размазывая изысканный макияж.

Сволочь, ублюдок! — Мать Линь вцепилась в мужа, и её ногти глубоко впились в его плоть.

Получив такую прямую и яростную отповедь, отец Линь опешил.

Глядя на убитую горем жену, он и сам почувствовал, как в груди тяжело защемило.

Отец Линь обнял Мать Линь и, провожая взглядом врачей, вывозивших тело сына из морга, смахнул скатившуюся по щеке горькую слезу.

— У-у-у, родители этого жалкого шоку так горько плачут, почему ты должен был умереть?!

— Если я не умру, как продвинется сюжет?

— Хотя ты и прав, но... но...

— Пошли! Разве у нас не осталось всего три дня? Не трать время зря.

— Э-э-э, ладно уж! Скажи мне, жалкий шок, тебе совсем не больно смотреть, как они плачут?

— Они всего лишь персонажи сюжета. Сейчас им положено плакать — они плачут, а через минуту им нужно будет рассмеяться — и они будут хохотать от души.

Сяо Хуан Шу то и дело крутилось, оглядываясь назад. Хотя на словах всё звучало логично, книга всё равно чувствовала: что-то здесь не так. Неужели она и впрямь такая тупая? Да быть того не может, она ведь провела в мире романов-драм целые десятки тысяч лет! Единственное объяснение заключалось в том, что этот жалкий шок чересчур хладнокровен. Точно, что бы ни происходило — его собственная смерть или чужие беды, — он не выказывал ни малейших эмоциональных колебаний. Иногда Сяо Хуан Шу даже сомневалось, был ли этот парень вообще когда-то человеком из реального мира? Разве люди не славятся своей сентиментальностью?

Оно обязательно тщательно во всём разберётся, вернувшись.

— Куда сначала?

— К Лю Синьцзэ!

— К мерзкому второму кавалеру?

— Верно!

— И что ты задумал?

— Угадай!

— Послушай, жалкий шок, так не годится. Мы должны быть честны друг с другом.

— А когда ты был со мной честен?

— Всегда-всегда был!

— Не верю!

— Ты... да ты...

— И каков же я? — Линь Мао чуть приподнял уголки глаз, и его взгляд, брошенный на Сяо Хуан Шу, сочился насмешкой и демоническим безумием.

Сяо Хуан Шу с резким свистом нырнуло в пустоту и в мгновение ока растворилось без следа.

Когда Линь Мао доставили в больницу, он был весь в крови и с совершенно изуродованным лицом. Поэтому сейчас, даже если бы он вальяжно вышел через главный холл больницы, никто бы не узнал в нём того самого пострадавшего в автокатастрофе — не считая тех, кто завороченно оборачивался ему вслед, привлечённый его невероятно красивыми и точёными чертами лица.

Линь Мао остановился на улице возле больницы, закинул голову и посмотрел на темнеющее небо. Улыбка, застывшая на его губах, странным образом отдавала жаждой крови.

Лю Синьцзэ полдня провёл с женой, прогуливаясь по торговому центру, и, заметив, как сгущаются сумерки, решил поискать какое-нибудь заведение, чтобы поужинать.

Жена ждала его у выхода, а сам Лю Синьцзэ отправился на парковку за машиной. Выведя автомобиль с парковочного места, он с удивлением обнаружил, что жены нигде не видно. Вместо неё у обочины стоял другой человек — тот, кого Лю Синьцзэ меньше всего на свете хотел бы видеть.

Лю Синьцзэ толкнул дверцу машины и вышел. Хмуро шагнув навстречу незваному гостю, он злобно бросил:

— Какого чёрта ты здесь забыл? Где моя жена?

— Она в очень безопасном месте, — Линь Мао чуть наклонил голову, и в его облике удивительным образом сочетались детская наивность и жестокость.

— Линь Мао, с тебя хватит! Тебе не надоело преследовать нас?— И правда неинтересно, и я не собираюсь за тобой волочиться.

— Тогда какого хрена ты...

— Двадцать три часа. Мне нужны только следующие двадцать три часа, и тогда твоя жена вернется к тебе целой и невредимой.

— Бредовые фантазии!

— Бред это или нет, не тебе решать.

Линь Мао достал из кармана телефон, включил видео и молча показал его Лю Синьцзэ.

— Если я не получу тебя, то пусть не получит и никто другой. Можешь заявлять в полицию, но перед этим я заставлю их столкнуть твою жену в море. Думаю, в компании такой спутницы мне точно не будет скучно по дороге к желтым источникам.

— Сумасшедший, ты рехнулся!

— Да, я безумно в тебя влюблен.

Лю Синьцзэ чувствовал, что человек перед ним изменился настолько, что он почти переставал его узнавать. Собеседник словно бы лишь внешне походил на прежнего Линь Мао, а внутри него поселился кто-то другой. Однако та иступленная и безумная одержимость, которую тот демонстрировал, не позволяла Лю Синьцзэ рисковать, поэтому он согласился провести с ним двадцать три часа.

Лю Синьцзэ снова завел стоявшую на обочине машину и время от времени поглядывал в зеркало заднего вида. Сидевший на пассажирском месте справа молодой человек с самого начала сохранял ледяное, ослепительно-холодное выражение лица. В тени его черты казались нечеткими, и лишь глаза сияли ярко, словно гладкий янтарь.

— Низменный омега, твой образ рухнул, ты же низменный омега, а не холодно-неприступный альфа! А-а-а, что делать, что делать!

— Это не повлияет на сюжет.

— Да как не повлияет, второй негодяй-альфа уже начал в тебе сомневаться! У-у-у, божество романов-драм, я перед тобой виноват, у-у-у!

— Я сказал — не повлияет, значит, не повлияет!

— Ладно, как знаешь. Все равно ты уже умер, и как бы ты ни выпендривался, этот факт не изменить.

— Как думаешь, если через двадцать три часа Лю Синьцзэ обнаружит, что я давно мертв, что он подумает?

— Он решит, что ты даже после смерти не переставал о нем беспокоиться, что даже превратившись в духа, ты не смог отпустить его и жаждешь продолжения истории о любви человека и призрака...

— Именно!

— Обожаю тебя!

Сяо Хуан Шу мгновенно раскусил замысел Линь Мао.

— Я и сам себя обожаю!

— Какая скромность!

— Не знаком с таким словом.

Линь Мао назвал Лю Синьцзэ адрес: это было где-то на полугоре, где вокруг изредка тускло мерцали фонари.

Когда машина остановилась в пункте назначения, Линь Мао вышел первым. Обойдя автомобиль сзади, он постучал тыльной стороной ладони по стеклу со стороны водителя.

Лю Синьцзэ нахмурился, но все же медленно опустил стекло.

— ...Не хочешь потрахаться? — уголки губ Линь Мао приподнялись, а чарующая, пробирающая до мурашек улыбка в сочетании с бледным лицом на мгновение придала ему жутковатый, призрачный вид.

— Больной! — лицо Лю Синьцзэ похолодело, и он бросил всего одно слово.

— Не хочешь как хочешь. А я вот думал заняться с тобой любовью прямо в машине. Раз ты не согласен, давай займем себя чем-нибудь другим.

Линь Мао не стал настаивать. Он повернул назад и направился к левой стороне дороги — там, возле зарослей кустарника, безмолвно темчала какая-то огромная махина.

Ухватившись за угол защитного чехла, Линь Мао единым движением сдернул его, и взору предстал спортивный автомобиль с абсолютно серебристым кузовом.

Линь Мао открыл дверь, сел внутрь, завел мотор и выгнал спорткар вперед, сравнившись с машиной Лю Синьцзэ.

— Давай погоняемся! — Линь Мао капризно качнул подбородком. В этот миг его аура резко переменилась, став острой и пронзительной. Он и сам по себе обладал яркой внешностью, а в таких обстоятельствах Лю Синьцзэ уже не понимал, мерещится ли ему всё это: ему казалось, будто вокруг молодого человека разливается какое-то ослепительное, завораживающее сияние, от которого невозможно оторвать глаз. Взгляд Лю Синьцзэ помрачнел еще сильнее.

Линь Мао несколько не волновало, что удумал Лю Синьцзэ. Он плавно тронулся с места, а вскоре в зеркале заднего вида заметил, что спорткар Лю Синьцзэ тоже двинулся за ним. Как только соперник поравнялся с ним, Линь Мао внезапно вдавил педаль газа в пол.

Серебристый спорткар полоснул по воздуху холодным росчерком света и сорвался с прямой дороги, на предельной скорости устремляясь к повороту в сотне метров впереди.

Лю Синьцзэ тут же прибавил газу: раз уж в постели он мог взять верх над Линь Мао, не было никаких причин проигрывать ему на трассе.

Лю Синьцзэ неотступно следовал за Линь Мао, то и дело входя в заносы и ускоряясь. На одном из поворотов он даже не сбросил скорость — напротив, до упора вдавил педаль газа, резко выкрутил руль и выполнил головокружительный дрифт на ровном месте, после чего уверенно вырвался вперед Линь Мао.

Линь Мао дважды посигналил сзади, словно выражая свое одобрение. Лю Синьцзэ бросил пару взглядов в зеркало заднего вида и подумал, что Линь Мао придется подождать еще года три-пять, прежде чем он сможет его обойти.

Однако этой мысли Лю Синьцзэ не суждено было продержаться до следующего поворота. Линь Мао точно так же пошел на разгон, вдавил педаль газа и выкрутил руль, продемонстрировав абсолютно идентичную технику вождения, и в мгновение ока опередил спорткар Лю Синьцзэ. Вдаль дорога Линь Мао вела уверенно, не оставляя Лю Синьцзэ ни малейшего шанса обогнать себя.

Вскоре обе машины добрались до конца пути, и спорткары остановились под резкий визг тормозов.

Линь Мао вышел первым, подошел к правому краю обрыва и остановился. Холодный ночной ветер дул с темных гор, трепля легкие одежды Линь Мао и издавая хлопающие звуки. Его фигура была прямой и стройной, словно закаленная сталь, и в этот самый момент Лю Синьцзэ не мог заметить в Линь Мао ни малейшего следа прежней мягкости.

На сердце у него становилось все более странно. Прежде он действительно потерял интерес к Линь Мао, но сейчас, внезапно увидев этого человека с таким внушительным, почти не уступающим его собственному величию, стоявшего с ним плечом к плечу, сказать, что в нем не дрогнуло сердце, было бы неправдой.

К прежнему Линь Мао он испытывал лишь раздражение, но что до нынешнего... Глаза Лю Синьцзэ потемнели: пожалуй, было бы неплохо поиграть с ним снова.

Будто отвечая на мысли Лю Синьцзэ, стоявший рядом Линь Мао повернул голову. Лицо его было мертвенно-бледным, но губы — неестественно алыми, словно испачканными в крови. Не произнося ни слова, он в упор смотрел на Лю Синьцзэ, и в его черных, как омут, глазах бурлила безумная страсть.

Тело Лю Синьцзэ слегка вздрогнуло.

Встретившись с Лю Синьцзэ взглядом секунд на десять, Линь Мао вдруг отступил от обрыва, сел в свой спорткар, чуть опустил стекло, выключил свет в салон и, прислонившись к спинке сиденья, медленно погрузился в сон.

У Лю Синьцзэ в животе скопилась целая гора слов, которые он хотел высказать, но, опустив взгляд и увидев безмятежно спящее лицо Линь Мао, он судорожно втянул воздух. Если бы только что этот человек не стоял перед ним живой и невредимый, он наверняка решил бы, что перед ним мертвец.

Эта внезапно возникшая, неуместная мысль заставила Лю Синьцзэ испытать легкий испуг. Он быстро отвел взгляд и тоже забрался в свою машину. Ухватившись за руль, Лю Синьцзэ хотел было уехать, но, немного подумав с мрачным выражением лица, в конце концов решил остаться на месте.

Свернувшись калачиком внутри автомобиля, Лю Синьцзэ провел так всю ночь, и это было далеко не самое приятное занятие. На следующий день утренний свет разбудил Лю Синьцзэ, и в соседней машине тоже проснулся Линь Мао. Его спина была прямой, а глаза — яркими и осмысленными, совсем не такими, как у Лю Синьцзэ, просидевшего всю ночь в салоне.

Лю Синьцзэ потянул руки и размял шею. Линь Мао бросил на него равнодушный взгляд, после чего развернул машину и выехал со стоянки.

Лю Синьцзэ тихо выругался и тут же последовал за ним.

Оба спортсмена выехали из безлюдной горной дороги и свернули на другую возвышенность.

Второй остановкой стала площадка для высокогорного банджи-джампинга.

Линь Мао припарковал машину у входа в живописную зону, купил два билета и, пройдя контроль, направился наверх.

Место для прыжков было окружено массивными деревянными столбами, а внизу находилась залитая бетоном платформа, выступавшая на несколько метров над пропастью. Линь Мао поманил рукой работника, подзывая веревки, после чего сдвинул ноги и позволил привязать эластичный канат к его лодыжкам. Увидев, что Лю Синьцзэ поднялся на платформу, Линь Мао одарил его ослепительной улыбкой, в которой таился глубокий, пробирающий до костей смысл.

Губы Линь Мао шевельнулись, безмолвно произнес три слова, после чего он раскинул руки и стремительно рухнул назад. Лицо его было спокойным и вместе с тем окутанным смутной аурой смерти — казалось, ему было совершенно все равно, он ни о чем не жалел.

Лю Синьцзэ сначала замер, а затем тело помимо его воли сорвалось с места, бросаясь вперед.

Фигура человека, опутанного канатом, то поднималась, то опускалась под отвесной скалой. Увидев, что силуэт юноше по-прежнему на месте, сердце, застрявшее в горле, быстро вернулось на место.

Он был крайне удивлен тем, что испытал нечто вроде беспокойства к человеку, от которого уже устал и собирался избавиться. Именно поэтому, когда Линь Мао вернулся, его красивое лицо было натянуто струной, и он, казалось, не желал дарить тому ни единого лишнего взгляда.

Линь Мао же, судя по всему, совершенно не волновало, ответит ли Лю Синьцзэ взаимностью. Они молча спустились по ступенькам обратно к машинам.

Третья остановка — пляж на окраине города.

Они вместе переоделись в гидрокостюмы, и Линь Мао первым нырнул в воду. Оказавшись под водой, он напрямик направился в сторону глубоководной зоны. Говорили, что там водились серебристые светящиеся камешки размером с голубиное яйцо: если кто-то сумеет отыскать такой и подарить любимому человеку, это принесет тому бесконечную удачу. Лю Синьцзэ, разумеется, тоже слышал об этом, но считал лишь уловкой пляжной администрации, привлекающей туристов ради наживы.

Однако, судя по нынешнему поведению Линь Мао, тот действительно собрался искать этот камень. Движения его плывущих рук замедлились.

В его браке с женой доля любви была невелика — куда большую роль играл союз по расчету. Человек на его позиции, если и не все, то добрая половина уже давно не верили в любовь. И даже если Линь Мао демонстрировал ему нежные чувства, в глазах Лю Синьцзэ это стоило куда меньше клочка бумаги с контрактом.

Но сейчас все почему-то казалось иначе. Лю Синьцзэ не мог точно ухватить то самое незнакомое чувство, что роилось в его голове. Однако, заметив, что фигура Линь Мао уходит все дальше и вот-вот исчезнет, Лю Синьцзэ уже не стал раздумывать и, прибавив скорости, устремился за ним.

Только он почти догнал Линь Мао, как стремительно плывущее тело внезапно замерло: ноги Лю Синьцзэ опутало несколько стеблей подводных водорослей.

Лю Синьцзэ встревожился, развернулся и попытался руками распутать водоросли, но чем сильнее он старался, тем туже они затягивались. Под водой все было иначе, чем на суше — любые лишние движения мгновенно вытягивали все силы из тела.

Вскоре руки и ноги Лю Синьцзэ начали слабеть. Его красивые брови сошлись на переносице, а в глазах полопались сосуды. В самый разгар его отчаяния впереди мелькнул подтянутый, изящный силуэт, прибавивший скорость и плывущий прямо к нему.

Линь Мао подплыл к Лю Синьцзэ и без малейших колебаний или промедлений нырнул вниз, протягивая руки к водорослям, опутавшим правую ногу мужчины.

Однако, к его удивлению, эти водоросли обладали невероятной прочностью и цепкостью. Как бы он ни тянул и ни рвал их, они мертвой хваткой вцепились в Лю Синьцзэ, словно поводья. Линь Мао поднял глаза на находящегося выше Лю Синьцзэ — лицо мужчины покраснело до такой степени, что это выглядело ненормально.

Выплюнув загубник кислородной трубки, Линь Мао попытался перекусить водоросли зубами. По их краям росли мелкие и острые шипы, которые мгновенно искололи губы Линь Мао до крови, но под водой капли крови тут же растворялись, и никто ничего не заметил. Поборовшись с десятков-другой секунд, он смог оторвать водоросли одну за другой. К этому моменту в голове у Линь Мао уже все плыло, перед глазами стояла темнота, и его тело, потерявшее опору, стало заваливаться назад.

Его талию охватила сильная рука: обретя свободу, Лю Синьцзэ появился за спиной Линь Мао, крепко обхватил его и начал медленно выталкивать на поверхность.

Вытащив тяжелое тело Линь Мао на берег пляжа, спасатель заметил их появление и то, что один из них лежит пластом без всяких движений. Сразу сообразив, в чем дело, он бросился к ним.

Сперва спасатель поднес палец к носу Линь Мао — дыхания не было. Затем он приложил щеку

к груди юноши — точно так же, никаких признаков сердцебиения.

Понимая, что ситуация критическая, спасатель перекрестил руки на груди Линь Мао и начал делать непрямой массаж сердца, одновременно приказав Лю Синьцзэ звонить в скорую помощь по номеру сто двадцать. Сделав три ритмичных надавливания, он разжал губы Линь Мао и принялся делать искусственное дыхание.

Лю Синьцзэ позвонил в больницу и, опустив взгляд, увидел, как спасатель соприкасается губами с лицом Линь Мао. Хотя это и было спасением жизни, на душе у него все равно скребли кошки. С мрачным выражением лица Лю Синьцзэ подошел ближе.

Но, понимая, что медик явно профессиональнее его, он мог лишь стоять рядом и бессильно наблюдать, несмотря на бушующее внутри пламя ярости.

Спасатель надавливал еще какое-то время, а затем снова прислушался к сердцу Линь Мао — по-прежнему ничего, сплошная мертвая тишина. Судя по его профессиональному опыту, этого юношу, пожалуй, уже было не спасти. И в тот момент, когда он собирался сдаться, лежавший перед ним парень вдруг резко зашелся в приступе кашля.

Кхе-кхе-кхе! Кхе-кхе! Приподнявшись на локтях и отвернув голову в сторону, Линь Мао зашелся таким сильным кашлем, что чуть не выплюнул кровь.

— Линь Мао! — Лю Синьцзэ сделал широкий шаг вперед, едва не сбив с ног стоявшего рядом спасателя. Не обратив на это никакого внимания, он схватил Линь Мао за плечи, испытывая смесь ошеломления и облегчения.

Видя только что безмолвно и неподвижно лежащего Линь Мао, он вновь, как и на вершине скалы для банджи-джампинга, испытал то самое неуместное предчувствие, будто Линь Мао может в любой момент исчезнуть из его жизни.

Он по-прежнему не до конца понимал природу этого чувства, но в одном был уверен наверняка: с Линь Мао ничего не должно случиться. Что бы ни произошло, Линь Мао не смеет пострадать.

— Заставил тебя волноваться, я в порядке.

Линь Мао заглянул в глаза Лю Синьцзэ. Его собственный взгляд был чистым и прозрачным, как гладь безмятежного озера, и в нем отражалась лишь одна фигура Лю Синьцзэ. Казалось, из глубины этих глаз сочилось некое очарование, перед которым невозможно было устоять. Вглядываясь в глаза Линь Мао, Лю Синьцзэ на мгновение даже пожелал, чтобы они могли всегда оставаться вот так.

— У меня немного болит голова. Можешь сначала отпустить меня? Я хочу найти место, чтобы отдохнуть.

Линь Мао определенно не мог долго оставаться на этом пляже. Если действительно приедет скорая и его увезут в больницу, ему останется лишь ждать, пока его препарируют исследователи.

Заметив на лице Линь Мао печать боли и усталости, Лю Синьцзэ разжал руки, но тут же снова ухватил его за плечо:

— Хорошо, хорошо. Рядом есть отель, пойдем туда отдохнем.

Линь Мао опустил голову и с трудом поднялся на ноги. Однако его колени внезапно подкосились, и он едва не рухнул обратно, но подоспевший Лю Синьцзэ вовремя поддержал его.

— Спасибо! — слабо улыбнулся Линь Мао.

<http://bllate.org/book/22143/2307053>